

Ян Байка

Зов Скорби

Ан Байка
Зов Скорби

«Автор»

2026

Байка А.

Зов Скорби / А. Байка — «Автор», 2026

Он попытался усмехнуться, но вышло тяжело. — Ты лучше обещай. Не бросай море. Оно не злое. Оно справедливое... Вельга простая дочь рыбака. Однажды она засыпает в лодке — и просыпается на чужом берегу. Здесь небо серое, воздух густой, а говорящий Кот Баюн протягивает три странных дара. Печной дух раздаёт советы, а река показывает самое стыдное. Вельге предстоит пройти сквозь скорбь, чтобы не сломаться. Потому что остров ждёт... Ждёт её решения...

© Байка А., 2026

© Автор, 2026

Ан Байка Зов Скорби

Пахло в избе тиной, рыбой сушеной и настоем чабреца — тем, что мать давала отцу, чтобы тот хоть немного спал по ночам. Вельга сидела у постели и сжимала сухую руку родителя. Знала, что не переживет ночь. Морана уж на пороге стояла.

— Папенька... — шепнула Вельга, поправляя одеяло. Он открыл глаза. В них что-то блеснуло — последняя искра прежнего, сильного, смеющегося мужика, который швырял невод дальше всех и с которым никто не мог тягаться в умении чують рыбу.

— Велька... — голос был, как треснувшая льдина. — Не кори себя. Слышишь?

— Ты поправишься, пап. Вот встану поутру, сварю уху из свежей рыбы...

— Не надо уши, дочь. — Он попытался усмехнуться, но вышло тяжело. — Ты лучше обещай. Не бросай море. Оно... не злое. Оно справедливое.

Вельга лишь сильнее сжала ладонь отца. Отец вздохнул — глубоко, как когда-то над волнами. И этот вздох не вернулся обратно. Он обмяк. Рука стала тяжелой и холодной.

Девушка не закричала. Она сидела, глядя на его лицо, и не могла поверить, что человек, который был больше самого моря, стал таким... уязвимым.

Мать вошла, бросила взгляд на дочь, мужа. Упала на колени у кровати, заливаясь слезами. Вельга молча поднялась и вышла на берег. Села на камни. Смотрела, как луна мотает по воде серебряную дорожку, и не плакала. Не могла. Внутри застыло что-то тугое, как узел на рыбацкой сети.

Вельга раз за разом брала отцовскую лодку и выходила в море. Но каждый раз она возвращалась с пустыми руками.

Мать бранилась:

— Сидела б дома! Вышивала! Нет, потянуло тебя в эту воду, как отца когда-то... Погубишь себя — кто плакать будет?

Девушка лишь молчала, пропуская мимо речи матери.

Она действительно не умела как отец. У неё был слух, было чутьё, но не было терпения. Сеть она ставила кое-как. Рыбу чистила плохо. Крючки теряла за милую душу. Её самая лучшая подруга, Лада, смеялась:

— Тебе не рыбачить, Вель, а сказки сказывать у костра.

Но Вельга упрямо выходила в море. Потому что там, в лёгком крене лодки и плеске волн, она иногда *почти* чувствовала отца. Как будто он стоял рядом, поправлял невод и ворчал: «Не туда тянешь, дочь... Левее бери...»

В тот день водная гладь была как зеркало. Вельга выгребла к дальним камням — туда, где, по рассказам отца, водился крупный сиг. Закинула сеть. Раз, другой, третий. Ничего. Только мелкая снулая плотва, которую даже кошке стыдно предложить.

Солнце поднялось высоко. Стало жарко. Вельга ослабила ворот, вытерла пот со лба. Ладонь заскребла по дереву весла — мозоли лопнули, запеклись.

— Проклятое место, — прошептала она, вглядываясь в блики на воде.

В глазах поплыли круги. Она сама не заметила, как опустила голову на колени, сложила руки на борту и... уснула.

— Ве-ль-ка-а-а! Велька?! Где ты? — донесся до девчушки голос батюшки. Был он рыбаком простым в граде, что на берегу моря Забвения расположился. А нарекли его Бережниками.

Велька тот голос знала назубок — в нём всегда звучала забота родительская, порой тревога, да только никогда — гнев суровый. Но уж весело было девчужке пускать берестяные кораблики по волнам морским. Заигралась и не откликнулась на зов родительский.

Стало море игрушку детскую затягивать в водоворот. Не углядела опасности Велька, и накрыло ее волной высокой, бурливой. Затянуло в воды темные, унесло прочь от берега. Велька вскрикнула, забилась, да море оказалось сильнее...

Раскрыла Вельга очи. Небо над головой серое, воздух густой, туманный, а звуки будто в медный ковш отдаются. Под спиной песок холодный, влажный от брызг морских. Села, озираясь по сторонам. Да только дальше руки не видно ничего.

Побрела девица вдоль кромки воды. Волосы от влаги липнут к лицу. Увидала недалече пещеру. А из той пещеры свет идёт — неяркий, но живой. Вошла внутрь, а там — чудо дивное: костёр в центре горит, а у стены дуб произрастает. Не простой то дуб — серебряный, листвою чёрной шуршит, да цепями могучими к земле прикован. Руны на цепях светятся, древним заклятием дышат.

Вышел из-за дуба Кот Баюн. С волка ростом, шерсть пеплом припорошена, а глаза янтарём горят. Голос у него — что мурлыканье, что гром дальний.

— Давненько, — молвит Кот, — не ступала нога человечья на Скорбь. А уж коли ступила не по своей воле — знать, судьба привела.

Подошёл Баюн к девице, осмотрел глазом зорким. Платье на ней зеленое, волосы серебристо-белые да взгляд строгий.

Молвит кот:

— Не случай тебя сюда привёл. Сам остров зовёт тех, кому мир менять суждено.

И протягивает ей три дара. Перо свиное, что чернее ночи. Камень самоцветный с дырой посерединке — тёплый, будто сердце в нём бьётся. Да лоскут ткани, будто заря утренняя — светится сам по себе, лёгкий как пух.

— На три беды тебе дары сии, — говорит Кот. — Израсходуешь — дальше сама судьбу ковать будешь.

Протянула Вельга руку тонкую, взяла предметы бережно да в складки платья спрятала. Мысли путаются, словно нити в руках неумелой пряжи. Но поклонилась низко в пол и спросила то единственное, что на сердце лежало:

— Почто я? Что во мне такого?

Усмехнулся Кот Баюн загадкой:

— Кто однажды был спасён от воды, тот однажды спасёт воду. Скорбь выбирает тех, кто знает цену долга да помнит слово данное.

Сказал — и растворился в тенях пещерных. Осталась Вельга одна при костре, с дарами заветными. Вышла на берег, а там солнце за море садится, волны багрянцем наливаются. А от пещеры тропа серебрится да вглубь острова уходит.

Направилась Вельга тропой вглубь острова. Прислушивалась к каждому звуку. Ветер в ветвях завывает, будто леший с кикиморами затеяли игру в прятки-догонялки. Впереди, на горизонте, заметила девица развалины деревни. В центре на площади печь громадная стоит — целехонькая, будто только что сложенная. Дым из трубы валит, уголья из печурок выпрыгивают. А изнутри ворчанье с грохотом раздаётся.

Обошла по кругу ту печь да перед заслонкой остановилась. Протянула Вельга руку, чтоб сдвинуть ее, да брань услышала:

— Кто там шастает? А ну, поди прочь от дома моего! А то как выскочу и на клочки разорву!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.